
ИРОНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: АГРЕССИЯ ИЛИ РАЗВЛЕЧЕНИЕ?

А.А. Горностаева

Кафедра общепереводческой подготовки
Факультет межкультурной коммуникации МИПК
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119992

В статье речь идет о функциях иронии в английском и русском политическом дискурсах. Анализируются такие основные функции иронии, как нападение и развлечение. Рассматриваются современные тенденции в политическом дискурсе — утрата официальности стиля, широкое использование ненормативной лексики. Предпринимается попытка выявить сходства и различия в употреблении иронии в английской и русской лингвокультурах. Приводятся результаты эмпирического исследования. Материалом исследования послужили высказывания английских и русских политических деятелей, собранные при просмотре телепередач, новостных программ, из литературных и интернет-источников. Особое внимание уделяется политической пародии как успешно развивающемуся жанру. Делается вывод о необходимости использования иронии в политическом дискурсе как залого успешности политического деятеля и обеспечения максимально эффективного воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: ирония, политический дискурс, функции, агрессия, развлечение, оценка.

Язык и общество представляют собой неразрывное диалогическое единство, и все события, происходящие в данном языковом обществе, находят свое отражение в языке. Язык политики существует для того, чтобы выражать профессиональные мысли государственных деятелей.

Современный политический дискурс — явление сложное и многообразное, подверженное постоянным изменениям. С одной стороны, основной его целью является воздействие на сознание и настроение общества, навязывание определенной точки зрения. Речь политиков, как правило, отличается экспрессивным характером, эмоциональностью. Как справедливо замечает В.И. Шаховский, «...народу важен не столько смысл сказанного, сколько эмоции, рожденные сказанным... манипулирование общественным сознанием власть осуществляет при помощи языка» [9. С. 265]. Поскольку часто политический дискурс осуществляется на фоне крайне нервной напряженности, в эмоционально стрессовом состоянии, он содержит множество экспрессивных единиц, нередко выражающих негативную оценку оппонента.

С другой стороны, все большее распространение получает тенденция «заигрывания» политиков с аудиторией, их язык становится излишне сниженным.

В настоящее время многие политические дебаты утрачивают официальность и серьезность, приобретая вид ток-шоу, избилующего провокационными шутками с использованием ненормативной лексики. Некоторые политические деятели надолго задерживаются на политической арене именно благодаря умению веселить окружающих и шокировать их своим вербальным и невербальным поведением. Политические обозреватели и журналисты зачастую стараются пригласить для интервью именно таких гостей, ожидая очередного шокирующего выступления

для развлечения публики. Возможно, именно поэтому ирония и сарказм занимают значительное место в политическом дискурсе.

Исследователи, в частности Л. Фиалкова и М. Еленевская, указывают на стирание границ между политическим дискурсом в общепринятом смысле и развлечением, что помогает политикам укрепить свой имидж при помощи чувства юмора: “...the blurring of boundaries between conventional political discourse and entertainment... Politicians try to boost their image by showing off their sense of humour...” [11. С. 218].

Примечательно, что умение остроумно вести политический диалог — неотъемлемое качество истинного лидера. Наш анализ речей английских и русских политиков показал, что наиболее эффективно воздействуют на аудиторию именно те ораторы, которые часто прибегают к юмору, иронии, сарказму. Самоирония помогает предотвратить возможную критику или парировать нападки оппонентов, обезоруживая их. Умелые политические ораторы используют шутки и юмор, чтобы дискредитировать своих политических противников, а также чтобы избежать обсуждения нежелательных тем: “Politicians use jokes as a strategy aiming to embarrass their opponents in the eyes of other politicians. They joke to avoid discussions of pressing issues” [11. С. 218]. Напротив, государственные деятели, воздерживающиеся от юмора в своих речах и соблюдающие строгую официальность стиля, по нашим наблюдениям, менее популярны в обществе и имеют на него меньшее влияние.

Естественно, что у каждой политической языковой личности вербальные установки специфичны, кроме того, необходимо учитывать культурно-исторический контекст. Для того, чтобы понимать иронию и юмор в политическом дискурсе, адресат высказывания должен быть знаком с политической ситуацией, причинами разногласий и конфликтов, а также с целями конкурирующих политических сил: “...in order to fully appreciate the meaning and significance of political humour one has to be familiar with the relevant political culture, the nature of disagreements and conflicts that are derided or condemned, and the goals of competing and struggling political forces” [11. С. 216].

Использование иронии в политическом дискурсе в некоторых лингвокультурах является устойчивой исторически сложившейся характерной особенностью. Так, по нашим наблюдениям, английские политические дебаты во все времена отличались остроумием, а английский парламент всегда представлял собой место, где искусные ораторы соревновались в красноречии.

Приведем несколько исторических примеров.

Англичане, говоря о своем отношении к французам, любят рассказывать исторический анекдот о том, как долго они не принимали идею французов построить тоннель под проливом Ла-Манш. Сохранилось воспоминание о том, как в середине XIX в. лорд Пальмерстон, премьер-министр Великобритании, ответил французскому инженеру де Гамону:

“Are you asking us to shorten the distance which is already too short?” («Вы просите нас сократить расстояние, и без того слишком короткое для нас?») — из рассказа англичанина).

В данном случае, указывая на чрезмерно короткое расстояние между двумя странами, говорящий использует ироническую гиперболу и намекает на напряженность в отношениях с Францией.

Межличностные нападки в английском парламенте тоже не были редкостью и отличались широким использованием иронии и сарказма. Так, в XVIII в. английскому государственному деятелю, радикалу Джону Уилксу сказали: «*Вы кончите на виселице или умрете от сифилиса*». Он сразу ответил обидчику: «*Это зависит от того, полюблю ли я ваши принципы или вашу любовницу*» [7. С. 122].

Здесь говорящий использует ироническую двусмысленность, а фраза содержит язвительный саркастический намек на нечистоплотность собеседника — как физическую, так и нравственную. А вот высказывания более позднего времени:

“The difference between a misfortune and a calamity is this: if Gladstone fell into the Thames, it would be a misfortune. But if someone dragged him out again, that would be a calamity.” Benjamin Disraeli. («Разница между несчастьем и катастрофой заключается в следующем. Если бы Гладстон упал в Темзу, это было бы несчастьем. Но если бы кто-нибудь вытащил его оттуда — это было бы катастрофой.»)

Эта фраза, произнесенная английским политиком в XIX в., является яркой иллюстрацией ироничности как особенности политического дискурса англичан. Воздерживаясь от прямой критики, они выражают насмешку завуалированно, с помощью иронии.

Высказывания премьер-министра У. Черчилля, относящиеся к середине XX в., также представляют собой образец ироничного отношения к соседним странам и признанным авторитетам:

“You can always count on Americans to do the right thing — after they've tried everything else.” Winston Churchill. («Всегда можно рассчитывать, что американцы поступят правильно — после того, как перепробуют все остальное.»)

“Too often the strong, silent man is silent only because he does not know what to say, and is reputed strong only because he has remained silent”. Winston Churchill. («Часто сильный, немногословный человек немногословен лишь потому, что ему нечего сказать. А сильным его считают потому, что он молчит.»)

Итак, английский политический дискурс обладает такой чертой, как ироничность, что свойственно английскому стилю коммуникации в целом. В русском политическом дискурсе нет устойчивой традиции иронизировать в политическом дискурсе. Существует четкая грань между дискурсом, допускающим иронию и юмор (семейный, бытовой, дружеская беседа) и официальной речью, для которой характерно затрагивание серьезных тем, не допускающих шуток (политический, профессиональный, научный дискурс). Однако в современной культуре наметилась тенденция к снижению официальности такой речи, приближению ее к разговорному стилю.

Одно из следствий демократизации общества — демократизация речи [5. С. 327], что находит свое отражение в частом использовании разговорной лексики, слэнга в политическом дискурсе, употреблении лексики сниженного

регистра. Это обусловило проникновение иронии в современный русский политический дискурс.

Приведем несколько примеров. Одним из лидеров политического остроумия можно назвать В.В. Путина. Вот некоторые из его иронических и самоиронических высказываний.

Чем ЧК отличается от ЦК? ЧК чикает, а ЦК цыкает.

Я самый богатый человек не только в Европе, но и в мире. Я собираю эмоции.

У нас в России есть такая старинная национальная забава — поиск национальной идеи, то есть смысла жизни.

Высказывания российского Президента остроумны, точны и полны иронии, что делает его речь интересной, острой, захватывающей внимание публики.

Еще один способ привлечь и удержать внимание аудитории — употребление инвективной лексики. Если, как отмечает Т.В. Ларина, в бытовом общении «сфера употребления ненормативной лексики, где она воспринимается как допустимая, в английской коммуникации шире, чем в русской» [5. С. 326—327], то в политическом дискурсе, по нашим наблюдениям, российские государственные деятели не уступают своим английским коллегам. Употребление сквернословия не всегда можно расценивать как нападение и стремление задеть чувства собеседника: часто оно, как и ирония, служит для демонстрации равенства, минимизирования дистанции, вносит элемент развлечения в серьезную беседу.

Поскольку грубость, как и вежливость, имеет свою национально-культурную специфику, и степень толерантности к ней в различных культурах различна [6. С. 126], оценивать поведение как вежливое или грубое не всегда просто, особенно в сопоставительном аспекте.

Примечательно, что тенденция к использованию инвективной лексики или намеку на нее распространяется в современной русской лингвокультуре даже на новостные программы, транслируемые по первому каналу, всегда ранее отличавшиеся серьезностью и официальностью. Например, говоря о возвращении знаменитому выставочному комплексу прежнего названия — ВДНХ, вместо неудачного ВВЦ, диктор иронизирует: *«Название ВВЦ не прижилось. Видимо, четыре буквы милее сердцам москвичей, чем три»* («Вести», 1 канал, 16.05.15).

В данной фразе прослеживается очевидный иронический намек на известное табуированное слово, поскольку «три буквы» ассоциируются в сознании носителей русского языка именно с ним. Возникает интересная аналогия: если в слове ВВЦ три буквы — значит, термин неудачен, поскольку количество букв совпадает с бранным словом, которым обычно характеризуют нечто негативное.

Постараемся определить основные функции иронии в политическом дискурсе. Они разнообразны: одна из них — сделать политический текст более ярким, броским, привлекательным и интересным, чтобы эффективнее воздействовать на адресата; другая функция — реализация самовыражения политического деятеля или аналитического обозревателя [9. С. 262]. Ирония и юмор служат в качестве эффективного инструмента во время предвыборных кампаний, а также используются для выхода агрессии, снятия напряженности и являются маркером внутри-

групповой принадлежности, что подчеркивают исследователи: “When people need to relieve tension and pain, give vent to anger and reinforce the boundaries between in- and out-group members, they often resort to humour and ridicule” [11. С. 215—216]. На наш взгляд, основными функциями иронии в политическом дискурсе являются нападение и развлечение.

Проявление этих функций иронии можно проследить на примере оценок-прозвищей, появившихся в русском политическом дискурсе в последнее десятилетие: «романтический либераллисимум Лукашенко», «отмороженный телекиллер Доренко», «блефун Явлинский», «вольный стрелок Сванидзе», «запасной президент Путин» (он же — «правильный престолонаследник»).

С одной стороны, подобные эпитеты вносят элемент развязности, развлечения в официальную беседу; с другой стороны, они выражают негативную оценку и часто могут расцениваться как агрессивный выпад.

Об агрессии иронии писали такие исследователи, как О.П. Ермакова, И.А. Шаронов, L. Hutcheon и др. [2; 8; 12]. Ирония, выполняющая функцию нападения, часто остросоциальна, направлена на акцентирование недостатков общественного устройства и сходна по функциям с сатирой, обличающей и клеймящей позором. Такая ирония призвана провоцировать и обвинять.

Так, используя яркую ироническую метафору, российский политик выражает резко критическое отношение к правящей партии: «*Я внук фабриканта, а у нас сегодня дети Шариковых — дети рабочих, крестьян, которые забыли, что такое собственность*» (В.В. Жириновский). Для понимания иронии этого высказывания необходимо знание экстралингвистической ситуации — а именно повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», герой которой Шариков — грубое, невежественное существо, не разбирающееся в управлении государством, но пытающееся рассуждать о мировых проблемах.

Следующий пример иллюстрирует острую критику действий американского правительства: «*Американские инициативы не что иное, как предложение сжечь дом, чтобы приготовить яичницу*». (В.В. Путин).

Здесь российский Президент использует ироническое сравнение для того, чтобы подчеркнуть бессмысленность и опасность поведения США.

Несмотря на часто ярко выраженный агрессивный характер иронии в политическом дискурсе, ее функции не сводятся только к нападению. Ирония нередко выполняет и защитную функцию, являясь способом сглаживания напряжения. По замечаниям таких исследователей, как В.И. Карасик, М.Р. Желтухина, К.М. Шилихина [3; 4; 10], юмор выполняет роль своеобразного канала для выхода агрессии, осуществляет стратегию снятия конфликта и выполняет гармонизирующую функцию, что ярко проявляется в политическом дискурсе.

В качестве примера приведем высказывание М. Тэтчер.

“I am extraordinarily patient, provided I get my own way in the end.” Margaret Thatcher. («Я могу проявлять огромное терпение при условии, что в конце концов все будет по-моему.»)

В данной фразе «железная леди» использует самоиронию, подчеркивая такие свои качества, как упрямство и твердость характера. Это помогает ей избежать

возможных нападок со стороны прессы, которая часто акцентировала внимание именно на этих качествах премьер-министра.

В следующем примере ведущий с помощью иронии снимает ненужный пафос разговора и излишнюю агрессивность одного из выступающих — писателя Александра Проханова, превозносящего Россию и критикующего Запад: «Я понял: Россия — за все хорошее: плаха, дыба, вселенская справедливость. А Запад — за все плохое: Макдональдс, дорогие машины, уважение к человеку» (В. Соловьев).

Притворно соглашаясь с гостем студии, ведущий при помощи иронического противопоставления «хорошее» — «плохое» ярко демонстрирует собственную позицию по обсуждаемому вопросу. Таким образом, демонстрируется защитная функция иронии: чрезмерно эмоциональный спор прекращается, а каждый из собеседников остается при собственном мнении. Функция защиты представляется очень важной в жанре интервью, так как один из лучших способов уклониться от нежелательной темы — применить иронию (подробнее см. [1. С. 75—76]).

Поскольку все больше возрастает потребность общества в восприятии политических новостей в виде шоу, наряду с эмоциональной неуравновешенностью, напряженностью и враждебным отношением к собеседникам, политические дебаты приобретают развлекательный характер и даже получили специальное название “infotainment” (information + entertainment): “But even if citizens are interested or concerned, conventional information formats do not have equal appeal to various social and age groups, and many seem to be more responsive to the so called “soft news” or “infotainment” («Даже если граждане заинтересованы, или затронуты их интересы, обычные информационные форматы не имеют одинакового влияния на разные социальные и возрастные группы, многие из которых готовы воспринимать только так называемые „шоу-новости“ или «информацию-развлечение») [11. С. 218]. Для обеспечения эффекта зрелищности современные политические лидеры часто используют иронию.

Рассмотрим отрывок из политических дебатов, посвященных присоединению Крыма к России («Поединок» с В. Соловьевым 04.04.14):

Александр Проханов: Правители запада — всегда посылали на нас потоки тьмы, ненависти, а иногда и военные нашествия. Мы ответим Западу цветением садов Крыма!

Владимир Соловьев: Начинайте цвести садами, Александр Андреевич!

Проханов: Они (Запад) посылают эсминцы в наше родное русское Черное море!

Соловьев: Вот сейчас турки-то вздрогнули!

Проханов: А море всегда так называлось!

Соловьев: А сейчас греки вздрогнули.

Николай Злобин: Давайте его просто переименуем — Черное море в Русское море. А лучше — Московское море. Вот Жириновский сегодня предложил переименовать Макдональдс. Он будет называться Столовая № 1.

Проханов: Николай, ты меня достал. Когда будет всемирный потоп, я тебя в ковчег не возьму.

Соловьев: Мы наконец определились, где Ной, где не-Ной. Хоть Ной, хоть не ной. Садитесь, Александр Андреевич, вам к ковчегу.

Как видим, данный разговор изобилует ироническими высказываниями. Двое из троих участников разговора используют иронические метафоры («Русское море», «Московское море», «Столовая № 1»), ироническую игру слов («хоть Ной, хоть не ной», «начинайте цвести садами»), иронический перенос значения («вам к ковчегу»). Примечательно, что, судя по реакции зала, собеседник, не прибегающий к иронии (в данном случае это Александр Проханов), не пользуется поддержкой зрительской аудитории, в отличие от его ироничных оппонентов.

Если англичане смеются над своими государственными деятелями, то предметом насмешек чаще всего является внешняя сторона — особенности произношения, наружность, манеры. В русском дискурсе, напротив, основное внимание обращено на характер и действия политиков, международные отношения и конфликты. Тем не менее, в русских политических дебатах встречаются иронические замечания по поводу внешности собеседников. Так, явившись на передачу, главной темой которой стало присоединение Крыма к России, в кричаще ярком наряде (сиреневая рубашка, голубой пиджак, оранжевый галстук-бабочка), Владимир Жириновский получает ироническую оценку своей внешности со стороны ведущего:

Соловьев. Добрый вечер, Владимир Вольфович. Как вы расцениваете недавние события? Тем более нельзя не отметить ваш замечательный праздничный костюм.

Жириновский. Я соответствую сегодняшнему дню. Это действительно праздник. («Воскресный вечер с В. Соловьевым», 21.03.14)

На наш взгляд, яркий наряд В.В. Жириновского — элемент эпатажа, явная провокация собеседника на иронию. Тем не менее, его ответ на реплику вполне серьезен и выражает его настоящие политические убеждения. Таким образом политик доносит свою мысль до избирателей.

Как логическое продолжение ярких и остроумных политических дебатов существуют и успешно развиваются жанры политической пародии и политического анекдота. Примечательно, что, в отличие от русской, в английской лингвокультуре меньше политических анекдотов. Это обусловлено некоторыми ограничениями на обсуждение политики в общении. А у россиян, напротив, политические анекдоты наиболее ярко отражают изменения в жизни и общественном сознании. Как один из ярких примеров юмора на политическую тему хочется привести следующий пример:

Мальчик спрашивает отца: *«Папа, кому это памятник на Москве-реке?»*

Отец: *«Пока что Петру Первому, сынок. А дальше — видно будет».*

Носителю русской культуры понятно, что здесь содержится намек на постоянный пересмотр исторических событий и разнообразные, часто крайне противоположные оценки деятельности политических лидеров страны.

Если в русской культуре политический юмор часто выражается в жанре политического анекдота, то в британской значительное место занимают пародийные сериалы (ситкомы) на политические темы. Наиболее ярким примером такого сериала можно назвать “Yes, minister” («Да, господин министр») и его продолжение “Yes, Prime minister” («Да, господин премьер-министр»).

Обратимся к взятому из ситкома “Yes, Prime Minister” эпизоду кулуарной беседы государственных деятелей, предмет которой понятен им обоим, но ни в каком случае не должен стать достоянием общественности:

“There has been movement.”

“On what subject?”

“On a subject on which Civil Service hopes there will be no movement.”

“Civil service generally hopes there will be no movement on any subject.”

“Yes, sir, what I mean it’s in relation to a subject which is normally wholly and exclusively under control of the Civil service, that developments have developed.”

“You are speaking in riddles.”

“Oh, thank you, sir.”

(— Произошли изменения.

— В какой области?

— В той области, в которой, как надеется Государственная Служба, не должны произойти никакие изменения.

— Государственная Служба надеется, что изменения не произойдут ни в какой области.

— Да, сэ, я имею в виду, что это относится к тому предмету, который обычно полностью находится исключительно в ведении Государственной Службы. Некоторое развитие развивается.

— Вы говорите загадками.

— О, спасибо, сэ!) (“Yes, Prime Minister”).

Это разговор ни о чем, игра с формами слов, которая не имеет смысла, что создает комический эффект.

Любопытно, что фраза «Вы говорите загадками», которая в обычном контексте выражает непонимание и просьбу перефразировать высказывание, воспринимается адресатом как комплимент, так как по мнению создателей сериала, умение говорить загадками присуще любому настоящему государственному деятелю. В этом, на наш взгляд, также выражается сатира на современный политический дискурс.

Британские комедии о политиках часто обыгрывают явление, называемое “verbal diarrhea” (словесный понос) — абсолютно бессмысленный поток слов (внешне связанных между собой правилами грамматики), что, безусловно, создает комический эффект. Таким образом, в них пародируется речь государственных и общественных деятелей. Например, в сериале “Yes, minister” («Да, господин министр») герой выражает свое отношение к дискуссиям и решениям комитета следующим образом:

“It is characteristic of all committee discussions and decisions that every member has a vivid recollection of all them and every member’s recollection differs violently from every other member’s recollection. Thus we accept the convention that the official decisions are only those which have been officially recorded in the minutes by the officials from which it emerges with evident inevitability that any decision which has been officially reached would have been officially recorded in the minutes by the officials and any decision which is not recorded in the minutes is not officially reached even if one or more members believe they have recollected this particular case. But if the decision had been officially reached it would have been officially recorded in the minutes by the officials”.

(«Для всех дискуссий и решений комитета характерно, что каждый участник имеет четкое и ясное представление о них, и это представление коренным образом отличается от представления каждого другого участника. Поэтому мы устанавливаем, что официальными решениями являются только те решения, которые были официально зафиксированы в протоколе официальными представителями, из чего с неизбежной очевидностью следует, что любое решение, достигнутое официальным путем, должно быть официально зафиксировано в протоколе, а любое решение, не зафиксированное в протоколе, не является официальным, даже в случае наличия у одного или нескольких участников такого представления. Поскольку если бы решение было достигнуто официальным путем, оно было бы официально зафиксировано в протоколе официальными лицами»).

Подобное вербальное поведение персонажей неизбежно вызывает смех у аудитории. А за внешне нелепой формой скрывается серьезная подоплека, поскольку данная пародия очень точно отражает особенности речи некоторых политиков.

Есть и противоположное явление, показанное в комедиях положений — “*tongue-tiedness*” (косноязычие), которое также основано на игре слов, а точнее, повторении одного и того же слова и однокоренных слов, что вызывает не меньший смех аудитории:

“I am appalled.”

“You are appalled... I am appalled too.”

“Yes, it’s appalling.”

“I don’t know how to describe it... just appalling!”

(— Я в ужасе.

— Вы в ужасе... Я тоже в ужасе.

— Это ужасно.

— Даже не знаю, как это назвать... Просто ужасно!) (“Yes, minister”).

Неумение подобрать нужные слова, постоянные повторы, заминки в речи также являются особенностями некоторых политических выступлений. Гротеск пародийных политических сериалов призван акцентировать характерные особенности реального политического дискурса.

Таким образом, из всего разнообразия функций иронии в политическом дискурсе наиболее ярко, на наш взгляд, выделяются две: нападение и развлечение. Эти функции не вступают в противоречие, а существуют параллельно, дополняя друг друга. Ирония в политическом дискурсе предназначена не только прямому адресату высказывания. Ее роль шире — воздействие на адресата косвенного, то есть аудиторию. Употребление иронии делает речь говорящего более яркой, образной, усиливает эффект сказанного. Ироничность является отличительной чертой умелого оратора.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Горностаева А.А. Ирония в английском и русском дискурсах: сопоставительный анализ // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», 2013. № 4. С. 72—80.
- [2] Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.

- [3] Желтухина М.Р. Функции комического в политическом дискурсе // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: тез. науч. конф., посвящ. 50-летию фак-та иностр. яз. Волгоград, 3—4 февр. 2000 г. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2000. С. 25—27.
- [4] Карасик В.И. Языковые ключи. — М.: Гнозис, 2009.
- [5] Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.
- [6] Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А. О грубости в коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», 2012. № 2. С. 126—134.
- [7] Филиппова М.М. Английский национальный характер: учебное пособие. — М.: АСТ: Астрель, 2007.
- [8] Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи. Сборник научных статей / Под ред. И.А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004. С. 38—53.
- [9] Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008.
- [10] Шилихина К.М. Современные теории вербальной иронии: основные проблемы. Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 6. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 24—32.
- [11] Fialkova L., Yelenevskaya M. In Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants' Experience. Tartu ELM Scholarly Press, 2013.
- [12] Hutcheon L. Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony. New York: Routledge, 2005.

IRONY IN POLITICAL DISCOURSE: AGGRESSION OR ENTERTAINMENT?

A.A. Gornostaeva

Department of General Translation
Faculty of Intercultural Communication
Moscow State Linguistic University
Ostozhenka, 38, Moscow, Russia, 119992

The paper deals with the functions of irony in the English and Russian political discourse. Such functions of irony as aggression and entertainment are analyzed. Modern tendencies in political speech, such as the loss of official style and wide usage of obscene lexis are regarded. An attempt to reveal similarities and differences in the two cultures is made. It is based on the results of empirical study. Speeches of English and Russian political leaders, taken from TV programmes and news broadcast served as the material for the research, as well as literature and the internet resources. Special attention is paid to the successfully developing genre of political parody. The author concludes that irony in political speeches is a key to success of a political leader and ensures the most powerful effect on the audience.

Key words: irony, political discourse, functions, aggression, entertainment, estimation.

REFERENCES

- [1] Gornostaeva A.A. Ironiya v angliyskom i russkom diskursakh: sopostavitelnyy analiz [Irony in the English and Russian discourse: comparative analysis]. *Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika"*, 2013. № 4. p. 72—80.

- [2] Yermakova O.P. *Ironiya I yeye rol v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of the language]. — Kaluga, KGPU im. Tsiolkovskogo, 2005.
- [3] Zheltukhina M.R. Funktsii komicheskogo v politicheskom discourse [The functions of comism in political discourse]. *Yazykovaya lichnost: problem mezhkulturnogo obshcheniya: tez. nauch. konf. posvyashch. 50-letiyu fak-ta inostr. yaz. Volgograd*, 3—4 fevr. 2000, VGPU. Volgograd: Peremena, 2000. P. 25—27.
- [4] Karasik V.I. *Yazykovyye klyuchi* [Linguistic clues]. Moscow: Gnozis, 2009.
- [5] Larina T.V. *Anglichane y russkiye: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [The English and the Russians: language, culture, communication]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2013.
- [6] Larina T.V., Kozyreva M.M., Gornostaeva A.A. O grubosti v kommunikativnoy etike v mezhkulturnom aspekte: postanovka problemy [On rudeness in communicative ethics in intercultural aspect: setting the problem]. *Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika"*, 2012. № 2. p.126—134.
- [7] Filippova M.M. *Angliyskiy natsionalniy kharakter: uchebnoye posobiye* [English national character]. M.: AST: Astrel, 2007.
- [8] Sharonov I.A. Priyemy rechevoy agressii: nasmeshka I ironiya [Ways of aggression in speech: mockery and irony]. *Agressiya v yazyke I rechi*. Sbornik nauchnykh statey. Pod red. I.A. Sharonova. Moscow: RGGU, 2004. p. 38—53.
- [9] Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: Monografiya* [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnozis, 2008.
- [10] Shilikhina K.M. *Sovremennye teorii verbalnoy ironii: osnovnye problemy* [Modern theories of verbal irony: essential problems]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda*. Vyp. 6. Voronezh, VGU, 2008.